

На правах рукописи

ШЕПЕЛЕВА Валентина Борисовна

**ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
АЛЬТЕРНАТИВЫ В РОССИИ 1917–1920 гг.
(ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ)**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Тюмень – 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет»

Научный консультант:

Полканов Владимир Данилович
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Николаева Ирина Юрьевна
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», профессор кафедры всеобщей истории

Дубровский Александр Михайлович
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского», профессор кафедры отечественной истории древности и средневековья

Кружинов Валерий Михайлович
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры отечественной истории

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита диссертации состоится «17» мая 2013 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» .

Автореферат разослан «16» апреля 2013 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор*

З. Н. Сокова

Общая характеристика работы

Актуальность темы Беспрецедентная катастрофа сверхдержавы - СССР актуализирует проблему существа и потенциальных возможностей «советского проекта», истоков советской эпохи. И хотя существуют и прямо противоположные мнения – об окончательном «закрытии» этих проблем, но в исторически кратчайший срок действительность - мировой кризис, постсоветская практика - показали относительность суждений «с позиций победителя» и «по большому счёту», обозначив, в частности, вопрос шкалы измерений и резко обострив проблему альтернативности исторического процесса.

Между тем сам 1917-й год в России, Гражданская война, *нэп* привлекают многомерностью, подпиткой интуитивно-нелинейных представлений. И задолго до революционных потрясений начала XX столетия было в России пророческое предупреждение против узости «нового водворяющегося порядка», призыв Герцена к осознанию континуальности Прошлого – Настоящего – Будущего как сущностного требования адекватной революционной практики.

Сегодня, однако, нередко на профессиональном уровне «по результату» (проигрыш в «холодной войне»), «по большому счёту» (катастрофа СССР) перечёркивается вся советская эпоха (как «путь в никуда», как «величайший обман» или «самообман», «густая тень на чаяния всего цивилизованного мира» и т.д.).

Но в таком случае как быть с феноменом СССР: сильной составляющей исторической России, огромной реальностью XX века, самим своим существованием менявшей социальный облик планеты, добивавшейся прорывных результатов по шкалам ЮНЕСКО; с ролью «удерживающего» в мире, явленной предельно Россией в *советской ипостаси* через схватку с фашизмом; со статусом СССР - второй сверхдержавы (мирового балансира), с определением «русским веком» века минувшего? И случайно ли идеологи постиндустриального общества среди важнейших параметров последнего числят характеристики и тенденции, комплиментарные «советскому проекту»?

Однако ныне приходится исходить из факта советской катастрофы и остро актуальной для русских, для «многонародной нации», чьё отечество – Россия, проблемы самоидентификации.

Но для национальной самоидентификации должно быть в наличии более или менее проясненное национальное сознание. Последнее же немислимо вне структур исторической памяти - духовной субстанции, объёмно и многовекторно пронизывающей и тем скрепляющей, возводящей «атомы» населения в коллективную личность народа, нации. Таким образом, историческая память, а потому и «историописание», экзистенциальны для судеб народа.

Немало верного в недавних словах Ю.А. Полякова о том, что «никогда прежде Россия не имела – и, вероятно, никогда уже не будет иметь –

такого значения на мировой арене... как после революции 1917 г.», и потому «история Октября... одного из центральных событий истории России, истории XX века, является своеобразным индикатором... состояния российской историографии»¹.

Итак, *онтологический* аспект значимости темы связан с феноменом российского 1917 г. в пределах отечественного и мирового исторического процесса, что интерпретируется сегодня крайне неоднозначно. Эти обстоятельства в свою очередь выявляют *познавательную значимость* темы.

Историография проблемы. *Отечественная познавательная ситуация в сфере социально-гуманитарных наук со времён «перестройки» характеризуется как кризисная:* советская катастрофа – это и провал советского общественнознания (востребованного на политико-управленческом уровне), проблематизация парадигмально-мировоззренческих и методологических его ориентиров. При этом наша непростая эпистемологическая ситуация совпала не только с похожим положением дел в мировой исторической науке, но и с периодом происходящей смены типов научной рациональности в мире науки в целом.

В этой связи значимыми для историков представляются изыскания, разворачивающиеся в пространстве, ориентирующемся на Центр интеллектуальной истории; на имеющую давнюю традицию томскую теоретико-методологическую, историографическую школу, на центр отечественного крестьяноведения во главе с В.П. Даниловым и Т. Шаниным. Конференции, семинары, альманахи интеллектуальной истории, издания томичей и крестьяноведов оказались во многом конструктивным противостоянием процессам деградации, настроениям растерянности и конъюнктурщины в сложной для историков ситуации 90-х годов и поныне, способствуя превращению, в частности, ЦИИ ИВИ РАН в интеллектуально-организационное начало отечественной исторической науки. И, как представляется, важнейшую роль при этом играет нацеленность на теоретико-методологические вопросы исторической науки с эффектом включенности в мировые интеллектуальные практики. Работы Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, членов редакционного совета альманаха К.А. Агирре Рохаса и Т.А. Булыгиной, И.Н. Ионова и др. – существенный вклад в поиск адекватных парадигмальных ориентиров.

Относительно «томской школы» отметим: она заметна была в советский период и выделяется на постсоветском фоне показом реальных возможностей – в том числе приоритетов - отечественной исторической мысли в прошлом с её прорывами к цивилизационному подходу, к «антропологическому повороту», с непрерывавшейся и в советское время диалектической тенденцией; выделяется ныне пребыванием на пике новейших теоретико-методологических поисков. «Генерализирующие» разработки Б.Г. Могильницкого на протяжении всего постсоветского периода – чрезвычайно важный для автора ориентир и, как представляется, весомый показатель жизнеспособ-

¹ Поляков Ю.А. Октябрь 1917 года в контексте российской истории // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т.1. М., 2002. С. 9-10, 16.

собности отечественной исторической науки. Особую значимость для нас представляют разработки «томичей» и «крестьяноведов» (историков ментальности и «альтернативистов»). Показательна для нынешнего научного историознания работа 10-й научной конференции РОИИ «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век»².

Обращаясь к историографии по бытийственному ядру темы, отметим, что проблема исторического выбора России 1917-1920-го гг. сопряжена с проблемой состояния Российской империи рубежа веков и одновременно – существа, потенциала, проявлений советской эпохи как связь *истоков* и реализованного, более того - завершившегося *нового социального целого*. В этой связи едва ли не весь массив отечественной и зарубежной литературы по истории модернизирующейся царской – затем Советской России / СССР можно считать имеющим отношение к заявленной теме, помимо колоссальной историографии собственно 1917 года. Однако масштабы и качество обозначенного исторического выбора требуют, на наш взгляд, для осмысления историческо-философской контекстуальности.

В этой связи особое место в историографии принадлежит разработкам *историческо-философского* толка, начиная, во-первых, с поисков современников, таких как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, В.И. Вернадский и Д.И. Шаховской, Ф.А. Степун, С.Н. Булгаков и М.И. Туган-Барановский; Н.В. Устрялов, другие «сменовеховцы» и «евразийцы»³, «нэповцы-спецы», конечно, В.И. Ленин с его мыслями-проектами, мыслями-делами, оценками происходящего и успешными появиться обобщениями, предположениями; Л.Д. Троцкий, отчасти А.Г. Шляпников, сомневающийся поначалу Н.Н. Суханов⁴, где Октябрь 1917-го в конечном счёте, «советский путь» воспринимаются (в том числе через серьёзную эволюцию) как внутренне обусловленные. Во-вторых, речь об одновременном потоке оппонировавших первому интерпретаций в работах П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Г. Мейера, И.А. Ильина, В.В. Шульгина и Н.В. Болдырева, А.И. Деникина и В.А. Маклакова, П. Сорокина, В.М. Черно-

² Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы междунар. науч. конф. М., 2008. 394 с.

³ Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 77-144; № 2. С. 87-154; Булгаков С.Н. Христианский социализм: споры о судьбах России / Ред.-сост. В.Н. Акулинин. Новосибирск, 1991; Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990; Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996; Устрялов Н. В. Очерки философии эпохи / сост., вступ.ст.. О.А. Воробьева. М., 2006; Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Док. и матер.: учеб. пособие. М., 1999; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993; Вернадский В.И. Из дневников октября–ноября 1917 г. // Огонёк. 1990. № 49. С. 13–14; *Он же*. Дневник 1938 года // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С.446-492; *Он же*. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С.5-44; Д.И. Шаховской. Письма о Братстве // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С.174-318.

⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. М., 1997; Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т.: в 7 кн. М., 1991; Валентинов Н. (Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: воспоминания. М., 1991.

ва, Ю.О. Мартова, Н.А. Рожкова⁵. Этот неоднозначный, хронологически «рваный» (относительно верхней границы) период свидетелей-современников оправданно соотносится со временем творческих поисков *основных* «фигурантов».

Следом с определенной долей условности можно говорить о периоде историософских изысканий усилиями А. Дж. Тойнби, К.Р. Поппера, отчасти Б. Рассела, Р. Арона, А. Безансона, историков: Э. Карра, И. Дойчера, Э. Хобсбаума, Дж. Боффа, сообщества «ревизионистов» - «социальных историков» (при генерализации их поисков), о работах таких отечественных исследователей, как А. Зиновьев, И. Шафаревич, о разворачивавшихся в условиях «оттепели» прорывных тенденциях в советском общественном сознании.

Открытым для советско-российской аудитории и потому значимым фактором отечественной историографии разработки отмеченных первого, а по большей части и второго периодов становятся, только начиная с конца «перестройки». Наряду с активным освоением⁶ этих разработок современный период обнаруживает явную потребность в теоретических, историософских изысканиях.

Одна из первых в данной череде – работа «С. Платонов. После коммунизма» как попытка предупредить возможный системный кризис советского общества через обращение к *аутентичному марксизму*⁷; работа, задавшая важные положения для последующих исследовательских практик, обращенных к загадке обрушения «советского проекта». В целом с марксистских позиций, раскрыв в них серьёзную культурологическую составляющую, попытался осмыслить советскую историю в условиях крушения СССР отечественный философ К.М. Кантор, предложивший «культурно-генетический метод» исследования, обернувшийся у него в начале 90-х гг. жёстким европоцентризмом. По европоцентристской «результатирующей» можно сблизить с канторовскими поисками Е.Г. Плимака и Пантина И.К., М.П. Капустина.

Серьёзную роль в попытках осмысления советской истории сыграли неоднозначные цивилизационно-формационные работы В.В. Кожинова – известного историка литературы, культуролога, обозначившего свой

⁵ Милуков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции: в 2 т. Париж, 1927; Он же. История второй русской революции. М., 2001; Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000.

⁶ Относительно «освоения» разработок первого периода сложилась весомая историографическая практика. Выделяются труды Л.А. Гаман, С.В. Рыбакова по воззрениям русских религиозных философов, православному восприятию истории; работы В.В. Шелохаева, Н.Г. Думовой, М.Г. Вандакской, Н.И. Дедкова, обобщающе-историографическая работа А.В. Макушина, из последних - Ф.А.Селезнева и А.Н. Егорова - по российскому либерализму; по неонародничеству – историографический очерк Г.Н. Мокшина; в целом по российскому социализму, его лидерам – участникам революционных событий – работы С.В. Тютюкина, Б.К. Ярцева, А.П. Ненарокова, Е.А. Котеленец, В.Т. Логинова, К.В. Гусева, Урилова И.Х., Б.Г. Литвака, обобщение – в очерке И.А. Гордеевой; по консерватизму – статьи М. Смолина, К. Сулимова (см. : Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С.315-410); Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости (исторический портрет П.Н. Милукова). М., 1993; П.Н. Милуков: историк, политик, дипломат: Материалы междунар. науч. конф. М., 2000; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997).

⁷ Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. М., 1990. 251 с.

последний обобщающий труд «прежде всего сочинение/м/ о Революции... еще и сегодня в сущности не завершившейся»: не познанной. Несомненным «цивилизационником» предстает современный философ А.С. Панарин, как бы соединивший «линию Н.А. Бердяева» и «линию И.А. Ильина», и тем не менее признавший потенциал «иначе возможного» в советском обществе. Смыкается (как ни удивительно) методологически с его подходом способ препарирования истории России / СССР А.С. Ахиезера, жёсткого европоцентриста, что высвечивает существенность антрополого-историософских самоопределений для исследователей. Не менее парадоксально пересекаются с самим А.С. Ахиезером по отношению к большевизму, Октябрю, современные (и некоторые прежние) «державники-монархисты», следующие «линии И.А. Ильина» и заостряющие тем самым методологическую проблематичность этой линии⁸.

Среди, условно говоря, «левых» (*Октябрь 1917-го – революция, спасение страны*) выделяются основательностью обществоведы-«естественники» С.Г. Кара-Мурза и С.Е. Кургинян (что не умаляет поиски гуманитариев - А. Подберезкина, членов РУСО и др.)⁹. Авторы этой группы объединяет следование марксистской историософии и признание значимости цивилизационного подхода при проблематичности, однако, его толкования и особых просчётах (на наш взгляд) по крестьянству и российскому капитализму.

Относительно изысканий известного философа А.А. Зиновьева отметим его радикальную оценочную эволюцию: от тотальной негативной интерпретации советского общества на базе социолого-биологизаторской концепции – до признания Октября «величайшим явлением во всей истории человечества»¹⁰.

Среди отечественных историков, пытавшихся уже ко времени перестройки и затем нелинейно осмыслить советскую эпоху выделяются П.В. Волобуев, его коллеги по научному направлению – М.Я. Гефтер, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов; работы Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, Ю.А. Полякова, Е.Г. Плимака и Пантина И.К.

Как важные историографические явления постсоветского времени следует оценить оба выпуска «Исторических исследований в России...» (под ред. Г.А. Бордюгова), целым рядом разделов и статей выходящих на интересующую нас проблематику и подтверждающих прямо или опосредованно непродуктивность обращения к вопросам истоков, содержания и судеб «советского проекта» вне обращения к «общим вопросам» исторического про-

⁸ Кожин В. Россия. Век XX. 1901-1939. От начала столетия до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999; Он же. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Он же. Народ без элиты. М., 2006; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. М., 1991.

⁹ Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. М., 2001; Он же. Гражданская война 1918-1921 - урок для XXI века. М., 2003; Кургинян С. Кризис и другие // Завтра. 2009. №№ 7-43; 2010, № 16 (857); Подберезкин А. Русский путь. М., 1996. С.3-74; Дугин А. Тамплиеры Пролетариата (национал-большевизм и инициация). М., 1997.

¹⁰ Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Мн., М., 2000.

цесса и проблемам исторического познания. И это – знаковые исследования, помимо впечатляющей по масштабам «линейки» профильных добротных историографических трудов, по-разному обобщающих изучение 1917 года, гражданской войны, советской истории.

Исходя из наметившейся к настоящему времени историографической ситуации по теме **объектная область** предлагаемого исследования обозначена как **представления отечественной гуманитаристики об истоках, сущности и судьбах феномена «советская эпоха» в отечественной и мировой истории.**

Предметом выступают **теоретико-методологические основания исследования революционно-демократической альтернативы и, исходя из этого, её место, роль и потенциальные возможности в рамках революционного процесса 1917–1920-го гг. в представлениях современников и последующей историографии.**

Подчеркнем: *революционно-демократическая альтернатива* трактуется, с одной стороны, как *потенциально* наиболее адекватное отражение потребностей саморазвития исторической России в синтезе с жестким двойным вызовом Времени: категорические требования «модернити» пришлось впервые в истории на вызов разворачивающейся эпохи осознанной необходимости, причём в условиях угрозы национальной катастрофы, но одновременно, казалось, широкого лагеря революционно-демократических партийных сил, не чуждых такому историческому вызову. С другой стороны – мы рассматриваем РДА как наиболее глубокое, но тем не менее урезанное на партийно-политическом уровне *практическое* выражение содержания исторического выбора России в 1917-1920 гг. – как тенденцию, включающую интересы и устремления массовой низовой *революционной демократии*, интересы общенациональные, притом что единственным актуализирующим эту тенденцию началом в момент исторического выбора 1917-1920 гг. выступило левое крыло партийных революционно-демократических сил - большевики (отчасти левые эсеры и ещё ограниченнее меньшевики-интернационалисты). Последнее оказалось чревато однопартийностью, ошибками большевиков, особенно в силу абсолютного преобладания в массовой низовой *революционной демократии крестьянства*, помимо всего корневых носителей этнической ментальности, при заведомой «некрестьянскости» и недостаточной этнической чуткости большевиков (при всех обвинениях их в «деревенско-национальной ограниченности»). Вместе с тем неслучайность «попадания в точку» в момент исторической бифуркации 1917 г. именно большевиков подтверждается не только их наибольшей из всех политических сил (вплоть до второй половины мая 1918 г.) «почвенностью» - реализмом, но и выходом в конечном счете на нэповскую альтернативу, синтезировавшую народническую концепцию некапиталистической модернизационной эволюции крестьянского хозяйства с формулой многоукладной регулируемой экономики. Выходом-возвратом на новом уровне обретенных уроков к РДА как эволюционному способу движения к индустриальному обществу: модернизационным основам социализма

Цель изысканий – разработка теоретико-методологических оснований исследования и уяснение на их базе места, роли и потенциальных возможностей революционно-демократической альтернативы в рамках революционного процесса 1917–1920 гг. сквозь призму представлений современников и последующей историографии.

Цель предполагает решение следующих задач:

Во-первых, в связи с ситуацией методологического хаоса, а также в силу особенностей самого объекта историографических изысканий *и с учётом профессиональной корректности* возникает настоятельная необходимость *определиться с используемой познавательной парадигмой* (в условиях ломки прежних типов научной рациональности) и соотношением с ней познавательных ориентиров отечественного типа мышления .

Во-вторых, постнеклассика требует в нашем случае обращения к *историософским и философско-антропологическим* сюжетам, составляющим конкретные теоретико-методологические основания для настоящего исследования (речь об уяснении тех цивилизационно преломляющих «тенденций внутреннего развития» социума, вне которых ни понять сложноорганизованную нелинейную систему, ни оценить «управляющих воздействий» в отношении неё, невозможно). Их реконструкция предполагается через обращение к работам русских религиозных философов, ряда современных мыслителей, к некоторым марксистским изысканиям в сопоставлении с *европоцентристскими историософско-антропологическими* концепциями.

В-третьих, на основе требований постнеклассики с учётом вычлененных историософско-антропологических ориентиров рассмотреть оценки, суждения, концептуальные построения относительно истории «большого 1917 года».

В-четвёртых, выяснить сущность предпосылок системного кризиса 1917 г. *в рамках «модерности»*, чтобы обеспечить *системный* базовый контекст для определения потенциала предлагавшихся «альтернатив». Оправданно сосредоточить внимание на так называемом «новом направлении» в изучении социально-экономической истории России рубежа веков. Непростая ситуация с восстановлением его в правах вызывает необходимость определить свои позиции не только в отношении концептуальных построений, но и в отношении истории и места этого незаурядного феномена в отечественной историографии.

В-пятых, выявить возможности РДА: от «февральского взрыва» до большевистского Октября в представлениях современников и исследовательской литературы. Рассмотреть в данном преломлении основные оценки Октября 1917 г. современниками и, обобщающе, в последующей исследовательской практике.

В-шестых, проанализировать теоретические представления, основные установки большевиков и общую практику в области экономических отношений в рамках политического этапа революции с точки зрения наличия или отсутствия связи между ними и РДА в контексте сложившихся в историо-

графии подходов и затем – то же применительно к марту–апрелю, отдельно – к концу весны – лету 1918 г.

В-седьмых, определить в контексте неоднозначных поисков позиции большевиков в сфере экономической политики в условиях гражданской войны в соотношении их с РДА сквозь призму наработок проблемной историографии.

В-восьмых, обозначить проблему РДА в контексте современных дискуссий, вызванных катастрофой «советского проекта».

Методологические основания работы определяет ориентация на *постнеклассику*, требования и приемы исследования которой выявляются в первой главе, опирающейся на поиски И.Р. Пригожина, В.С. Стёпина, отечественных «нелинейщиков», Э.В. Ильенкова, русских религиозных философов, Г.А. Заварзина и др. Опорой при анализе концепций, оценок 1917-1920 гг. выступает *историософско-антропологическая матрица*, соответствующая «ядру» культурного кода России и задающая синтез цивилизационного и формационного подхода (использованы наработки русских религиозных философов, К.М. Кантора, Л.Н. Гумилёва). Важной основой выявления намечавшихся к 1917 г. исторических альтернатив и одновременно *второй матрицей* для анализа оценок 1917-1920 гг. выступает социально-экономическая модель России, реконструированная «новым направлением», уточненная и продолженная в постсоветское время. В диссертации применяются традиционные приемы историографического исследования, теоретико-историографические разработки К.Н. Тарновского, координаты, задаваемые практиками «интеллектуальной истории». В рамках историко-этноментального подхода предпринята попытка обозначить механизм психологической деструкции народа (через отношение к советской эпохе) с использованием некоторых трансформированных Н.А. Бердяевым «психоаналитических» приемов. В целом, диссертация выполнена в междисциплинарном ракурсе с привлечением подходов и методов из области философии науки, историософии и философской антропологии, революциологии, интеллектуальной истории, историографии, социальной истории и исторической антропологии.

Хронологические рамки исследования в аспекте онтологического среза предметной области ограничиваются концом XIX в. – 1917\1920-м гг., в гносеологическом аспекте захватывают период от ближайшего предреволюционного времени по современность.

Источниковая база. Используемый комплекс источников представляет несколько типологических групп: 1) источники теоретико-методологического, 2) историографического, 3) конкретно-исторического характера.

Источники *теоретико-методологического* характера включают изыскания по истории и философии науки, познания В.С. Стёпина, И. Р. Пригожина и Стенгерс Из., С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой, Г.Г. Малинецкого, С.П. Капицы, А.И. Липкина и др. отечественных «нелинейщиков»; отчасти - В.И. Ленина, В.И. Вернадского, философа-эпистемолога В.А. Вазюлина и его

школы, Э.В. Ильенкова; русских религиозных философов: Н.А. Бердяева, Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, Д.И. Шаховского, Г.П. Федотова, Л.П. Карсавина и А.Ф. Лосева, богословов В.И. Несмелова и Л.А. Успенского; системологические разработки Л.И. Мечникова, Л.Н. Гумилева, чл.-корр РАН Г.А. Заварзина; из современных философов, гуманитариев - С.А. Панарина, Н.М. Чуринова, К.М. Кантора, А.Л. Никифорова, М.Я. Гефтера, В.П. Данилова и вместе с тем - К.Р. Поппера, отчасти Р.Ф. Абдеева, С.А. Гомаюнова, Н.Б. Маньковской¹¹.

При этом изыскания В.И. Несмелова и Л.А. Успенского, русских религиозных философов (в том числе А.С. Панарина), А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева, Э.В. Ильенкова, Н.М. Чуринова, В.А. Вазюлина, «С.Платонова», С.Г. Кара-Мурзы, некоторых участников научного проекта «Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия» и отдельно – В.Л. Иноземцева, Н.С. Розова, К. Поппера, Дж. Сороса, Ф. Фюре и Ф. Фукуямы предстают источниками для разработки историософско-антропологических оснований диссертационного исследования. Одновременно часть из них (см. выше - замыкая Н.М. Чуриновым и добавляя С.Г. Кара-Мурзу), выводы К. Касьяновой, А.И. Клибанова, крестьяноведов группы В.П. Данилова, «евразийцев», отчасти «сменовеховцев» являются источниками для вычленения соответствующих параметров культурного кода России¹².

Историографические источники представлены: исследовательскими текстами, речами, выступлениями, докладами и материалами к ним, перепиской, записями для себя (в том числе дневниковыми), воспоминаниями, материалами дискуссий *участников событий – политических лидеров*; прежде всего – В.И. Ленина, меньше – П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Г. Мейера, В.А. Маклакова, Н.Н. Суханова, отчасти - Ю.О. Мартова, В.М. Чернова, Л.Д. Троцкого, А.Г. Шляпникова, А.И. Гучкова, М.И. Туган-Барановского; кроме того – текстами русских мыслителей: Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Д.И. Шаховского, В.И. Вернадского, меньше – С.Н. Булгакова, Ф. Степуна, некоторых «сменовеховцев» и «евразийцев», первых советских историков - С.М. Дубровского, С.А. Пионтковского, М.Н. Покровского.¹³ Из современных привлечены исследования В.П. Булдакова, А.С. Ахиезера, К.М. Кантора, М. Малиа, А.А. Искендерова, Е.Г. Плимака и Пантина И.К., отдельно - «новонаправленцев» (включая материалы личных фондов и др.)¹⁴ и поиски нынеш-

¹¹ См. работы по: гл.1 диссертации; сноски к «Введению» 13, 18, 19, 25, 31, 37,46-51, 54, 61, 63, 65,67, 69, 71-78, 86.

¹² См. работы по: гл.1-2, 3.1. диссертации; сноски к «Введению» 11,18,19,21,25,31,41, 49,54, 61,65,67, 69, 72-76.

¹³ См. выше сноски 6-8; гл. 3.1,3.2.,5 диссертации.

¹⁴ Речь об опубликованных работах историков и о личных фондах А.Л. Сидорова, К.Н. Тарновского, А.М. Анфимова и их жесткого оппонента С.М. Дубровского: ОР РГБ. **Ф. 632** – Сидорова Аркадия Лавровича; **Ф. 797** – Дубровского Сергея Митрофановича; **Ф. 873** – Анфимова Андрея Матвеевича; ЦАДКМ. – **Ф. 157** – Константина Николаевича Тарновского. См. источниковедческую часть (4.1.) Гл. 4. диссертации, посвященной «новому направлению». Для уточнения позиций учеников А.Л. Сидорова были использованы, кроме того, материалы парторганизации Ин-та Истории АН СССР: ЦАОДМ. Ф.211. Оп.2. К.13. ДД.97-99.

них «историософников»; материалы дискуссии советского и постсоветского времени относительно существования социально-экономической политики большевиков в донэповский период¹⁵.

Привлекались для уяснения вопроса о наличии или отсутствии в партийно-политических кругах и массовой революционной демократии, затем – среди партийно-советских работников, специалистов настроений, идей, практики в пользу РДА протоколы заседаний и другие материалы структур Петербургского комитета РСДРП (б), Петроградского Совета р. и с.д., отчасти Временного правительства в 1917 г.; апрельских 1917 г. Петроградской общегородской и Всероссийской конференций большевиков;¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б); СНК РСФСР¹⁷; материалы Бюро печати ОК и ЦК РСДРП (меньшевиков) и редакций меньшевистских газет и журналов¹⁸, периодики советской и неонароднического толка¹⁹, из личного фонда Е.Е. Колосова²⁰, Всероссийского рабочего комитета содействия организации социалистического сельскохозяйственного производства (Всерабочкомсод) и Аграрного института ИКП (Ин-та красной профессуры)²¹. Значительная часть из приведенных выше – сложные источники, содержащие конкретно-историческую и элементы историографической информации.

Выявленные источники по форме бытования относятся к опубликованным и архивным. Используются материалы пяти центральных архивов:

¹⁵ См. Гл. 5 диссертации.

¹⁶ Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП (б) в апреле 1917 г. / Ист-парт. Отдел ЦК РКП (б) по изучению истории Октябрьской революции и РКП (б). М.; Л., 1925; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполкома и фракций. 27 февраля – 25 октября 1917 г. : В 5 т. Т.1. Л., 1991; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Журналы заседаний Временного правительства: март- октябрь 1917 года: В 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2001.; Т. 2. Май – июнь 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2002; Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.

¹⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. ДД. 1-13, 27-29, 31-38, 40-45, 47-50, 73-75, 78; ГАНО. Ф.1. Оп.1. ДД. 1-4, 13,18,21-28,39, 93; Оп.2. Д.2,11;ЦГАОР. Ф. 130. Оп.1. ДД. 2,44; Оп. 2. ДД.47, 247, 256, 259, 263, 264, 266, 269, 270, 595,597, 671, 677, 823; Оп.3. ДД. 98, 293, 315, 317, 318, 322; Оп. 4. ДД. 83-86, 204, 206-208, 217, 227, 228, 239, 316, 317, 323.

¹⁸ РГАСПИ. Ф.662. Оп.1. ДД. 1-4, 20,33-35, 40, 47, 51, 58-61, 65; Алтайский луч: общественно-политическая, социал-демократическая, литературная и экономическая газ. Барнаул, 1918.

¹⁹ Экономическая газета: ежедн. газ. экономических комиссариатов РСФСР. М., 1918-1920; Западная Сибирь: орган Западно-Сибирского обл. ком-та Советов р. и с.д. Омск, 1918; Экономическая жизнь. окт.-дек. 1920 г. №№ 225-272; Известия Сиб. Бюро ЦК РКП(б). Омск – Новониколаевск, 1920-1922. №№ 1-47; Пролетарская революция. – 1929. – № 2–3 (85–86); № 5 88); Вестн. кооперации / Петроград. отделение Ком-та о сельских ссудно-сберегательных и промышленных товариществах. Пг., 1917. №№ 1-12;1918. №№ 1-12; Вестн. кооперативных союзов / Изд-е Совета Всерос. кооперативных съездов. М., 1918. Вып. 1-2; Сибиряк-крестьянин: газ. политич. и лит. Барнаул, 1917. №№ 1-40; Прибайкальская жизнь / Изд-е Прибайкальского Тов-ва кооперативов. Верхне-Удинск, 1918-1919. №№ 1-198; Наша деревня. Иркутск, 1918. №№ 1-10; Алтайский край: орган общ.-политич. и кооперат. мысли. Бийск, 1919. №№ 1-92; Сибирский агроном: ежемесяч. журн. науч., практич. и обществен. агрономии. Омск, 1919. №№ 1-7.

²⁰ ГАРФ (ЦГАОР). Ф. 1805. Оп. 1. ДД. 4,5,14,15.

²¹ ГАРФ (ЦГАОР). Ф. 5557. Оп.1. ДД.1, 4,5,7,25,70,75,90 (1919-1921гг.); Ф.5147. Оп.1.ДД.1,5 (1931-1936 гг).

Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Центрального архива документальных коллекций г. Москвы (ЦАДКМ - ЦМАМЛС), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), ГАРФ, Центрального архива общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ) и бывшего партархива Новосибирской области (объединен с облгосархивом - ГАНО). Весь комплекс привлеченных источников, как представляется, обеспечивает решение поставленных задач и реализацию цели диссертационного исследования, достоверность и научное обоснование содержащихся в диссертации выводов.

Научная новизна работы predetermined выбором темы исследования, как в её онтологическом развороте (проблема революционно-демократической альтернативы), так и гносеологическом (проблема становления и сущности постнеклассической познавательной парадигмы, в контексте которой интерпретируется проблема РДА):

- уточнены представления о процессе *становления* постнеклассики при вычленении различий между постнеклассикой и неклассикой, постнеклассикой и постмодернизмом;
- определены отношения постнеклассики и привлеченной русской философской, отчасти научной мысли; марксистских поисков; скорректированы пригожинские оценки христианства и уточнены точки пересечения русской философской мысли и марксизма; марксизма и духовных интенций русского народа;
- предложен постнеклассический алгоритм изучения ситуации исторического выбора вообще и в России начала XX в., в частности (с выделением значения метасистемных требований и внутренних тенденций развития, предпосылающих *синтез* формационного и цивилизационного подхода и востребованность историософско-антропологической контекстности);
- определено идеальное и реальное содержания РДА;
- уточнено, что оценки степени «исторической вариативности» должны увязываться с *этапами* «степеней свободы» человека и социума и, помимо конкретно-исторических обстоятельств, должны учитывать цивилизационную специфику, влияющую на роль и место *субъективного* фактора в историческом процессе;
- дополнительно обнаружены *небуржуазные проявления* среди *российских либералов* с интерпретацией таких *проявлений* как добавочного потенциала в пользу РДА;
- сделан вывод о повышенной актуальности для XX века ядра культурного кода русского суперэтнуса и потому – о прорывном значении русско-российского ответа начала XX столетия на новейший вызов Времени (предъявивший, помимо категорических требований «модернити», впервые в истории требования разворачивающейся эпохи осознанной необходимости, внутренне сопряженной с

переходом к постэкономической общественной формации) при комплиментарности этого ответа параметрам постнеклассики;

- предложено начинать проблемную историографию с «предпосылочного» по отношению к 1917 году периода в силу гносеологической и бытийственной значимости разработок, идей, онтологизма ожиданий; с возражением против преувеличения роли «научно разоблачающего» метода в отношении этих моментов, чреватого линейным восприятием, «урезыванием» реальности, определенным «обесчеловечением» исторического процесса;
- предложен сквозной по отношению к Октябрю 1917 г. анализ историографии в целях генерализации всего спектра концептуальных построений и сопоставления их с постнеклассическим алгоритмом; с выявлением методологической неадекватности применения историко-этноментального подхода в линейной парадигме;
- уточнены истоки и становление «нового направления», его историографическая судьба в контексте советского обществознания и истории общества с выявлением комплиментарности требованиям постнеклассики, установлением сходства в логике поисков А.И. Герцена, В.И. Ленина, «новонаправленцев» в их отношении к проблеме РДА; Ленина и последних - к 1917 году в целом и потенциалу РДА в форме нэпа; с выявлением логически наметившихся у Ленина, масштабнее у «новонаправленцев» качественных коррективов по формуле *мелкобуржуазного строя*;
- официальная позиция советской (и не только) историографии относительно ленинского видения Февраля и двоевластия оценена как закрепление по существу *каменевской трактовки этого видения*, адекватной на деле трактовке 1917 года Л.Д. Троцким;
- наличие такой интеллектуальной ситуации среди большевиков 1917 г. фиксируется как момент проблематизации возможностей РДА;
- выявлено, что социально-экономический и политический марксистский (Ленин, позже «новое направление») и историко-этноментальный анализ ситуации (русские философы, «евразийцы», «сменовеховцы», «позднее новое направление», нелинейные приверженцы историко-ментального подхода) совпадают в главном по прогнозам и заключениям и обоюдно по необходимости вторгаются в «чужие» пределы;
- уточнены моменты, содержание и причины просчётов большевиков по крестьянству в 1917 -1920 гг.;
- по экономической политике большевиков, намечавшейся до Октября 1917 г. и реализуемой с конца 1917-го до нэпа предложено вычленять теоретический уровень, меры тактического характера и, в рамках теоретического – представления иллюзорные, рассматривая их соответственно в контексте революционно-демократических,

«военно-коммунистических», «непосредственно-социалистических» и «казарменно-социалистических» действий;

- дана оценка нэпа в контексте РДА;
- выявлено, что наиболее непримиримые противники Октября 1917-го (но не приверженцы конспирологии) проблематизируют само бытие русских, России как цивилизации;
- показано, что нелинейное следование историко-этноментальному подходу, сопряженному с формационным, ведет «негативистов» /относительно Октября 1917-го/, признающих однако ценность советской державы, к признанию в конечном счёте отрицаемого;
- выявлены дополнительные свидетельства, что самоидентификация нации увязана сегодня с отношением к советской эпохе, её истоку.

Научно-практическая значимость работы усматривается в возможности использования её теоретико-методологических материалов и выводов в социально-гуманитарных исследованиях, в учебных курсах по методологии, в общих и спецкурсах по отечественной истории; разноуровневые историографические разработки могут использоваться в общих и проблемных курсах по отечественной историографии, по отечественной истории, спецкурсах по интеллектуальной истории, по истории революции в России и альтернативности в истории, по этнической ментальности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены на 30-ти всесоюзных, международных, всероссийских, региональных и областных научных конференциях, обсуждались на заседаниях кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета и кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; представлены в авторских монографиях (Омск, 2009; Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012), разделах трёх коллективных монографий, трёх учебных пособиях, семи публикациях в журналах, рекомендованных ВАК, в 78 статьях, материалах и тезисах докладов (всего объём публикаций более 165 п.л.). Исследования, связанные с диссертационной тематикой, были поддержаны ИОО (Фонд Сороса, Россия, 2000-2002), ФЦП «Интеграция» (1998-2000), проектом РГНФ № 07-01-00301а, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры России 2009-2011 гг.», ГК – 0350.

Структура и основное содержание работы

Во **«Введении»** обоснована актуальность и научная значимость темы; обозначены общая историографическая ситуация, объектная и предметная познавательные области, цель и задачи, хронологические рамки исследования, его теоретико-методологические ориентиры, источниковая база, принцип структурирования материала; представлены выводы о научной новизне и апробации основных положений диссертации.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования: проблемы современной познавательной парадигмы и историческое по-

знание» состоит из трёх разделов: 1.1. «К вопросу об истоках научного познания: «рацио» или «человек-микрокосм»; движение к постнеклассике и отечественная познавательная практика»; 1.2. «Постмодернизм или постнеклассика («парадокс времени» = неоклассика; «наблюдатель» = неклассика; «стрела времени» = синергетика, постнеклассика»; 1.3. «Синергетика/постнеклассика и историческое познание», в которых рассматриваются (с опорой на изыскания И.Р. Пригожина, В.С. Стёпина, отечественных «нелинейщиков», русских религиозных философов и ученых; некоторых марксистов) проблемы становления постнеклассической познавательной парадигмы, отталкиваясь от оппозиции: «рацио» или «человек-микрокосм», притом что последнее убедительно обосновывала с XIX в. русская религиозно-философская мысль, а с конца XX в. - постнеклассики и некоторые постпозитивисты. Глава касается характера потрясений классической научной рациональности и затем «сотрудничества-борьбы» неклассики и неоклассики, неразрешимой вплоть до появления синергетики - решающего условия для самоопределения постнеклассики. Через обращение к работам «пригожинцев» фиксируется, что синергетика рождением своим обязана принятию необратимости – «стрелы времени», по существу *историзма* в качестве фундаментального принципа объективной реальности. По формуле «классика – неклассика – постнеклассика» подчеркивается необходимость учёта факта «расщепления» интеллектуальной ситуации на неоклассику, неклассику и ряд диалектических прозрений (в частности, «диаматовских» и религиозно-философских). Прослеживается, таким образом, сопричастность марксизма, с одной стороны, и русской религиозно-философской мысли – с другой, становлению постнеклассики, их взаимная комплиментарность (через внутреннюю диалектичность). В то же время выделяются качественные отличия постнеклассики и неклассики, постнеклассики и постмодерна, которые нередко смешиваются. Выделяется роль постнеклассики в переоснащении познавательных алгоритмов историка. Предложен вариант приложения постнеклассических требований к историческому исследованию в аспекте диссертационной темы.

Глава вторая «Историософско-антропологические концептуальные построения в современной гуманитаристике» состоит из двух разделов: **2.1.** «Историософско-антропологические поиски на почве русской ментальности в конце XIX–XX вв.» и **2.2.** «Некоторые современные европоцентристские историософско-антропологические концепции» с дифференциацией второй на три подраздела.

Первый раздел опирается на изыскания русских религиозных философов, некоторых богословов, историков (Н.А. Бердяев, Н.Ф. Фёдоров, Г.П. Федотов, Л.А. Успенский, Л.П. Карсавин, Д.И. Шаховской и др.) и *обнаруживает*: глубокую их диалектичность («просинергетичность»); предельно высокое видение истоков и призвания человека – народа – человечества через «тоталитарное» восприятие православия, ощущение – осознание его проективности: «христианство несёт не отрицание мира, но «через человека исцеление его... упразднение перевёрнутого вверх ногами мира Зла». И потому

оправдывает и «*воинственную Правду общественную*», каждого предполагает как «личность историческую». Представлено содержание «русской идеи» (через самосознание-интуиции философской, интеллектуальной элиты и православной народной массы, которой оказываются близки самые высокие прозрения о продолжающемся антропогенезе и миротворении), отслежена комплиментарность их марксизму в историософском разрезе, отчасти – в антропологическом (при недостаточной проработанности последнего в марксизме); показан предельный универсализм антропологических и историософских ориентиров на почве русской ментальности (с доказательством их православной достоверности). Высказано предположение, что антропологические представления задают все прочие самоопределения человека в мире и они – важнейшая составляющая ядра «культурного кода».

Подчеркнуто, что русская религиозно-философская мысль привела к становлению историко-этноментального подхода (абсолютно необходимого с позиций постнеклассики), который в советский период был основательно утерян и в перестроечно-постперестроечное время сумел обозначиться лишь как пришелец извне (объективная трактовка Б.Г. Могильницкого - яркое исключение). Эффективность его доказывается прогностическим потенциалом и получением знаний такой степени достоверности и полноты, что поныне они лишь подтверждаются и дополняются. Высказано соображение об ущербе не только интеллектуальном, но и жизнеспособности общества из-за отсечения опыта русской религиозно-философской и связанной с ней мысли, поскольку это подрыв важнейшей составляющей культурного кода – представлений о человеке.

В силу реального противостояния с 1917 по 1991 г. в мире советской и либерально-буржуазной альтернатив вторая часть главы посвящена анализу либеральных историософско-антропологических изысканий известных западных интеллектуалов К.Р. Поппера, Фр. Фюре, Дж. Сороса, Ф. Фукуямы, отдельно - А.Дж. Тойнби, кроме того лидера отечественных постиндустриалистов В.Л. Иноземцева и современного философа Н.С. Розова в контексте требований постнеклассики. Показаны существенная некомплементарность либеральных историософско-антропологических ориентиров носителям «русской идеи», их выраженный неуниверсализм, отрицание *социальности* в качестве конститутивного принципа человека и утверждение «постсоциальности», ведущей к «эпохе... за гранью человеческого общества». Предложены логические связки: ментальность русского суперэтнуса – русский тип мышления – диалектика – переключка с марксизмом – постнеклассикой. С другой стороны: западно-христианская ментальность – «срединный тип мышления», позитивизм – либерализм, дарвиновский эволюционизм – постмодернизм = тотальная деконструкция. Обнаруживаемый носителями либеральной идеологии сокрушительный бытийственный и гносеологический постмодернистский итог её проблематизирует сегодня либерализм как парадигму общественного развития, притом что тенденция «постэкономизма» фиксировались на Западе в бытность двухполюсного мира.

Таким образом, исходя из требований постнеклассики, выбор 1917-1920 г. не только органичен для России, не только запоздалый ответ на вызов Запада, но это прорывное явление, адекватное новейшим Вызовам Времени.

В главе третьей «Историография революционного процесса 1917 года», состоящей из двух разделов: 3.1. «Революция 1917 года – сжатый историографический обзор» и 3.2. «Проблемы ментального измерения революции 1917 года»: 3.2.1. *Историко-ментальный подход = психопатология или ... ? (некоторые проблемы современной историографии революционного процесса 1917 года в России)*; 3.2.2. *К вопросу о духовных предпосылках исторического выбора России в 1917 году*», представлен, во-первых, историографический обзор по общим вопросам темы, и во-вторых – историко-ментальный и, выделенно, историко-этноментальный её срез. Выявлена общая интеллектуальная ситуация относительно «революционно-советской» проблематики, сложившаяся вследствие разрушения СССР. Отмечается смена определяющих «трендов»: вместо усиливавшейся «пессимизации» относительно возможностей царизма и затем Временного правительства явная «оптимизация» на волне «триумфа антикоммунизма как дурного фарса» с ренессансом тоталитаристских толкований. Выявляется существенное несоответствие «старо- и новототалитаристского» фактического материала тоталитаристским выводам. Подчеркивается, что внимание «русскости» не может дать иного результата, кроме «пессимизации», но применяется этот подход (и Р. Пайпсом, и группой А.С. Ахиезера) в контексте ненадлежащей *линейной* познавательной парадигмы. Противоречивые попытки «тоталитаристского обращения» популярного в России М. Малиа рассматриваются как проявление жёсткой политико-идеологической ангажированности при сомнительности историко-антропологических представлений, сводимых к «психопатологии».

Отмечается, что познавательная ситуация остро обозначила необходимость определиться в основных категориях революциологии, в связи с чем обосновываются авторские революциологические ориентиры.

Обосновывается оправданность отсчёта историографии темы с «историографии предпосылочной» - с идей, прогнозов, настроений-ожиданий, предуготовлявших по-своему «грядущий конфликт». Здесь гносеологическое и онтологическое вместе, субъект и объект в переплетении. По-видимому, требуется корректировка упрощённого «разоблачающего» исследовательского метода относительно высказываний акторов о себе и о своём времени, чреватого линейностью, «урезыванием» реальности, «обесчеловечением» исторического процесса. Между тем в рамках «предпосылочности» выявляется предуготовленность 1917 года.

В рамках «сквозного подхода» в историографии анализируются знаковые интерпретации современников революции – «возрожденцев» Г. Мейера и П.Б. Струве, позиционирующих себя как имперцев-националистов и приходящих к выводу об укорененности Октября – «настоящей революции» в

народной толще-этнизме, которая тем не менее есть «национальное банкротство и мировой позор». Показано, что эта «квадратура круга» разрешается авторами отказом «эмпирическому русскому народу» в праве на Россию, реально – противопоставлением себя ядру культурного кода русских. Более последовательная разновидность такого подхода (Р. Пайпс, группа А.С. Ахиезера) оборачивается отказом русскому суперэтносу в праве на историческую оправданность.

В целом «сквозной подход» обнаруживает, что большинство современников и позднейших исследователей признавало объективную обусловленность Октября и при самом негативном его восприятии. Такая «спрессовывающая» группировка, начиная с предпосылочного этапа – через саму революцию – до сегодняшних пертурбаций, позволяет отчетливее увидеть основные концепционные направления в интерпретации революции. Рассматривается ленинская концепция 1917 года, советская историография 20-х гг. в увязке их с проблемой РДА, сжато характеризуются «краткокурсковский» и последующие этапы с вычленением следования линейно-прогрессистскому алгоритму восприятия исторической реальности в СССР и одновременно – диалектических прорывов по рассматриваемым сюжетам.

Представлена современная историографическая ситуация, в частности, с её потенциально возросшими возможностями. Подчеркивается, что проблема исторического выбора страны в 1917 г. должна решаться, исходя из 1) выявления внутренних тенденций развития её и 2) «вызовов Времени», иначе – опираясь на цивилизационный (историко-этноментальный) и формационный подход.

Вторая часть главы посвящена анализу попыток известного специалиста по теме В.П. Булдакова применить «психопатологический» метод к изучению 1917 года. Показано, что данный метод – взгляд на события через сведение человека к «Оно» - сам по себе проблематичен, проблематичен и по культурологическим, и по революциологическим, и по конкретно-историческим раскладкам. Необходимо сначала концептуально-антропологическое и историософское самоопределение, затем их российское «заземление» и конкретно-историческая наконец разработка.

В заключение второй части представлена историография духовных предпосылок исторического выбора России в 1917 году, отталкиваясь от теоретико-методологического обоснования и истории становления историко-этноментального подхода в отечественной гуманитаристике. Опирается данный параграф на изыскания К.М. Кантора, Л.Н. Гумилёва, Н.А. Бердяева, Н.Ф. Фёдорова, Г.П. Федотова, отчасти А.И. Клибанова, К. Касьяновой, крестьяноведческие разработки, соображения Л.А. Успенского, М. Вебера, В. Ходасевича, С. Булгакова, свидетельствующие, что, помимо прочих факторов «за» и «против» Октября 1917 г., ментальность российская подталкивала ход событий в пользу неких небуржуазных решений в стране.

Глава четвертая «Социально-экономические предпосылки событий 1917 г. в истолковании «нового направления» и его судьба», представленная четырьмя разделами: 4.1. «Возможности личных фондов исследователей

для уточнения судьбы «нового направления» в контексте переломных моментов и противоречий советской исторической науки 1920–1960-х гг.»; 4.2. К истокам «нового направления»: И.Ф. Гиндин; 4.3. «Новое направление» о социально-экономическом развитии России с конца XIX в. и содержании назревавшей революции; 4.4. Группа В.В. Адамова и некоторые вопросы истории «нового направления», рассматривает проблемы истоков, этапов зарождения и самоопределения «нового направления» в изучении социально-экономической истории России рубежа XIX / XX в. (в контексте судеб отечественной социально-гуманитарной науки, отчасти - судеб страны), в том числе через судьбы его зачинателей, выдающихся представителей (с обращением к вопросу источниковых возможностей личных фондов «новонаправленцев» и их оппонентов). Определяются авторские позиции в отношении «новонаправленческих» концептуальных построений с попыткой оценки места и роли «нового направления» в отечественной историографии. Третий и по-своему четвертый разделы представляют характеристику и анализ развертывания концептуальных поисков будущих и собственно «новонаправленцев» (в дискуссиях с оппонентами) до их «закрытия» и затем с учётом последних разработок относительно социально-экономического развития России рубежа веков, а потому и намечавшихся в ней политических альтернатив ко времени первой русской революции и затем – по выявившимся результатам столыпинского реформирования. Проведено сопоставление по существенным концепционным узлам соображений В.И. Ленина и «новонаправленцев» с фиксацией совпадений и отличий (в том числе внеакадемически вынужденных), при том что «новонаправленцы» объективно показывают формирование к 1917 г., в 1917 г. фактически РДА, развертывание и привязка чего к ментально-крестьянскому миру произойдет уже в 90-2000-е гг. Показано, что самопрезентация «нового направления» усилиями К.Н. Тарновского в качестве «открытой», способной к саморазвитию концептуальной системы, подтверждается всем ходом его истории. В целом «новое направление», по выводам диссертации, комплиментарно существенным параметрам постнеклассики, а реальные возможности и драматическая история его могут рассматриваться как та самая «капля воды», что «отразила весь океан», в нашем случае – потенции и судьбу советского послесталинского общества.

В главе пятой «Революционно-демократическая альтернатива на переломе от России царской до России нэповской (теоретико-методологические и историографические аспекты)», включающей три раздела : 5.1. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917 г.; 5.2.Трактовка «методов социалистического строительства» 1917–1920 гг. в отечественной историографии; 5.3. Революционно-демократическая альтернатива в сжатом контексте отечественной интеллектуальной истории XX века - подчёркивается обоснованность альтернативистского подхода не только общими нелинейными представлениями и революциологически, но и обращением к факту теоретического обнаружения (марксизмом, отечественной обществоведческой мыслью) проблемы приближения эпохи осознанной необходимости - возможности выбора пути ис-

торического развития общества. Сделан вывод, что поиски и предложения В.И. Ленина относительно путей и способов спасения России 1917 г. проходили в русле отмеченных общецивилизационных тенденций в увязке их с российской действительностью. Реконструируется ленинское видение ситуации двоевластия с её возможными и оптимальными альтернативами развития событий и должной тактики революционно-демократических сил; подчеркивается ориентация большевистского лидера как на оптимальную для России именно РДА с «революционно-демократической диктатурой» во главе, что, казалось, по раскладу массовых сил совершенно реально и максимально безболезненно. Охарактеризованы действия «умеренных» социалистов относительно РДА; проанализированы в сравнении установки большевиков и умеренно-социалистических сил относительно спасительной для России экономической стратегии с выявлением отсутствия принципиальных противоречий относительно госкапитализма – регулируемой смешанной экономики. Прагматизм большевиков по крестьянскому вопросу, казалось, снимал препятствия на пути сотрудничества с партией эсеров. Подчеркивается, что сохранение непредвзятости анализа российской реальности и принципиальной последовательности в собственных выводах социалистов – вот все необходимое, дабы РДА обрела статус государственно-политической реальности. На деле эта максимально адекватная, исключавшая гражданскую войну возможность была трижды сорвана к концу сентября (не считая «точечных» моментов позднее) прежде всего «усилиями» партийно-советской верхушки умеренных социалистов.

Выявлено объективно «двойное» содержание мер политики госкапитализма (ГМК), развернувшихся в период мировой войны в странах участницах: помимо чрезвычайщины «первая мировая» знаменовала собой вступление мира в новую эпоху возобладания по необходимости *сознательного* над стихийным, эпоху осознанной необходимости. Сделан вывод, что тем не менее на уровне теории и программы действий политических сил только большевиками улавливалась в 1917 г. эта сущностная сторона ГМК-подвижек. Мир позднее шаг за шагом признает эту реальность.

Вместе с тем фиксируется нерасчлененность в ленинских представлениях к октябрю 1917 г. тенденций долговременных (стратегических – пронэповских), ситуативных (чрезвычайных – «провоенно-коммунистических») и иллюзорных, сказавшихся позднее в так называемом «методе непосредственного социалистического строительства». Представлено содержание полноценной РДА и вынужденно ограниченной по итогам Октября 1917 г. Подчеркивается, что тем не менее спасение в наиболее существенном РДА было обеспечено благодаря большевикам, Октябрю 1917 г. – многосоставному революционному процессу массовых революционно-демократических сил во главе с РСДРП(б), отчасти левых эсеров. Отмечается особая сложность положения для большевиков, пришедших к власти, ввиду «инверсионного» смысла Октября и одновременно радикального раскола партийного революционно-демократического лагеря: ставка на субъект при ощутимом подрыве субъектных возможностей победителя. Подчеркивается в этой связи сущест-

венная значимость взаимоотношений Советской власти и интеллигенции. Проведены параллели между ситуацией упущенной полноценной РДА 1917 г. и ситуацией срыва нэповской альтернативы конца 20-х гг. при том, что решающий конструктивный фактор и в первом и во втором случае – адекватная политическая система, целостность РДА.

В разделе 5.2. обращается внимание на то, что ключевыми моментами, определяющими возможные перспективы страны, служили после Октября 1917 г. видение, разработка и применение тех или иных *методов* предотвращения национальной катастрофы; затем - восстановления и полномасштабной модернизации России и на основании этого продвижения к основам социализма. Отмечается, что в советской историографии остались недостаточно разработанными вопросы о соотношении, сущности, формах и времени проявления так называемых «методов непосредственного» (иллюзорного) и «опосредованного социалистического строительства», вопросы, применительно к донэповскому периоду вообще утрачивавшие смысл в эмигрантской литературе, а позднее, как оказалось, - и в изысканиях ряда известных советских исследователей (В.И. Биллик, В.М. Селунская, Э.Б. Генкина, отчасти В.П. Дмитренко) и тем более – в постсоветских, распространяющих «”военный коммунизм” – экономическую чуму» большевизма на все донэповские годы (С.А. Павлюченков, В.В. Кабанов, В.А. Мау и др.).

Особое место вопроса о «методах социалистического строительства» видится в том, что без него невозможно решение проблемы альтернативности исторического развития страны после Октября, проблемы потенциала «советского проекта». И это тем более значимо, поскольку «уплощение» по результату как предопределяло превалирующую линию суждений в официальной советской историографии, так и продолжает предопределять её в историографии современной. Отмечается, тем не менее, что даже терминологически ситуация не отработана в исследовательской литературе.

Проанализированы определившиеся в 1960 – 1980-х гг. *три* способа периодизации послеоктябрьской истории до утверждения нэпа, объединенные (при всех отличиях) недостаточным вниманием *дифференциации* реально дифференцированного на уровне: теории, политики, практики; экономической стратегии и тактики. Показано, что дооктябрьские экономические разработки Ленина формировались в контексте наметившейся ходом мировой войны ГМК-политики и наметившейся в России РДА (при восприятии крестьянства как мелких буржуа, стремящихся к «американскому» аграрному капитализму). Понятно, что такие разработки не имели отношения к «непосредственно социалистическому строительству», обозначая в неопределенной перспективе при революционно-демократической власти «шаги к социализму». Госкапитализм рассматривался как, в первую очередь, спасительные меры по предотвращению экономической катастрофы, как (в среднесрочной перспективе) средство восстановления и (в долгосрочной) – модернизации страны с движением к социализму (притом что «госкапитализм» – это регулируемая многоукладная экономика). Доказывается, что убедительных свидетельств об отказе большевиков от этих революционно-демократических

установок с приходом к власти нет, хотя в ряде случаев обстоятельства вынуждали идти на более радикальные, чем предполагалось, меры (банки, продовольственное дело, масштабы «красногвардейской атаки»), что фактически признается и в оппонировавшей большевикам литературе. Следует учитывать специфику атмосферы политического этапа революции и такое знаковое событие, как дискуссия сторонников Ленина и «левых коммунистов». Последняя, подводя итоги политического этапа революции, закладывала важные основы «нормальной» экономической политики переходного периода – вполне «пронэповские», с более широким, чем ранее, представлением о советском госкапитализме».

Вместе с тем прослеживается, как не вполне адекватное восприятие большевиками крестьянства стало оборачиваться (особенно после ухода из правительства левых эсеров) просчётами по деревне: середняк, его насущный экономический интерес был явно упущен большевиками в мае 1918 г. Итог – проддиктатура, «экономическая политика штыком» в мирное время, подтолкнувшая ситуацию к войне настоящей. Ряд запоздалых шагов советской власти свидетельствовал о признании ею ошибочности такой политики.

В рамках гражданской войны в советской экономической политике усматривается (отчасти в переключку с историографией советской) наличие четырех пластов: господствующий – «на войне как на войне» - «военный коммунизм»: (оправданность которой признавалась и противниками советской власти). Но на базе определённых успехов «военного коммунизма» наметились две тенденции: «метод непосредственного социалистического строительства» – иллюзорный расчёт «на чудо» в области экономических отношений крестьянства, и - «казарменный социализм», возводящий военно-коммунистическую тактику на уровень стратегии, вместо ставки на субъект, пусть и чрезмерной, как в первом случае, ставящий на субъективизм-произвол.

Но через всю гражданскую войну прослеживаются и меры «пронэповского» толка, *диктуемые прагматикой* (что выявляет не только часть советской историографии, но и часть современной, оппонировавшей большевикам литературы). К концу войны происходит углубление представлений будущих нэповцев-партийцев о социально-экономической реальности страны (нужно опираться на индивидуальное крестьянское хозяйство, на старательного крестьянина, вывод о товарно-денежных отношениях, о «мелкой буржуазии деревни», где всё крестьянство, с которым «необходимо ужиться» и без чего советской власти нет). Последнее – возможная предпосылка нэповской концепции. Метод непосредственного социалистического строительства (а не военный коммунизм), по выводам диссертации, был признан в итоге губительным.

В разделе 5.3. предпринята попытка сквозь призму постнеклассики обобщенно (от современников и по новейшее время) представить фиксацию разных альтернатив развития России в переломную эпоху с вычленением в качестве особо весомой РДА и с выходом на проблему альтернативности внутри советской истории. Анализ разных позиций осуществлен с учетом контекста эпохи осознанной необходимости, сопряженной с цивилизационной специфи-

кой и революционными обстоятельствами России, радикально повысившими роль субъективного фактора в истории как в его партийно-лидерских проявлениях, так и через самую *личность* суперэтнота: с особой силой проявившиеся ценности ядра его культурного кода. Охарактеризован расклад социальных сил, исходя из этнически-ментальных ориентиров и предпочтений, что обеспечивало существенно иную потенциальность в пользу небуржуазного исхода, нежели расстановка сил на партийно-политическом уровне в 1917 г.

По периоду гражданской войны, исходя из того, что реально силами, ставшими полем притяжения для распадающихся социальных структур, явились большевики, рассматриваются только альтернативы, обнаружившиеся внутри советской реальности. Подчёркивается, что если «точки над *i*» относительно иллюзорной тенденции были при переходе к нэпу расставлены, то подобного подведения итогов по «казарменному социализму» не было, хотя, представляется, что логика именно этой тенденции существенным образом предопределяла формирование «левой», а одновременно и «сталинской» линии действий в 1920-е гг.

Вместе с тем, несмотря на все нарекания ещё в советской и тем более в постсоветской литературе относительно поисков «нэповского предшества» в донэповскую эпоху, далеко не одна только линейная апологетика определяла эти поиски. Объективные обстоятельства заставляли большевиков действовать приблизительно в этом – *реалистическом* направлении; расклад социальных сил в стране и крайне жёсткие уроки от ставки на иллюзорность требовали «нэповства» как условия вообще удержать советскую власть. Как адекватная РДА рассматривается ленинская концепция нэпа – с учетом (помимо идеи некапиталистической модернизационной эволюции деревни и ставки на регулируемую смешанную экономику) соображений о Советах как власти *через* трудящихся, кооперации как общего организационного принципа – принципа самоуправления, самоорганизации, при установке на нэп как эпоху культурничества и гражданского мира.

Обобщенно фиксируются основные этапы советской историографии в трактовке 1917 года, возможные причины ухода в линейное толкование прошлого, наметившиеся в 60-е годы возможности альтернативистского, диалектического подхода (при особой роли «новонаправленцев») с последующим свертыванием выросшей «школы А.Л. Сидорова». Подчеркивается, что механицизм мышления в эпоху осознанной необходимости, тем более относительно «советского проекта» мог означать в перспективе только подрыв жизнеспособности системы, формирование в итоге тупиковой ситуации (о чем предупреждали в 1920-е гг. убеждённые «нэповцы» - В. Базаров, Ф. Дзержинский, позднее – Н. Бухарин, нэповцы-спецы).

Сжато представлена историографическая ситуация по периоду перестройки и постперестроечному времени с ренессансом поначалу альтернативистских (нэповских) поисков и достаточно быстрой (с хаотизацией и затем уничтожением СССР) трансформацией устремлений «демократической оппозиции» к формуле «иного (кроме либерального) не дано». Историография

как никогда оказалась участницей жесточайших по смыслу политических катаклизмов.

В новых «бытийственных» условиях резко снизилась востребованность проблемы альтернатив в рамках советской эпохи. Для массового сознания всё спрессовалось в оппозицию: прежнее – советское как целое, с одной стороны, и новейшее – с другой, хотя по выводам нынешней западной историографии «ключ к решению проблемы “Советская Россия” необходимо искать в контексте явления... “современность”», при том, что и «сталинизм... не... досадное отклонение от магистральной линии всемирной истории, а... ключевая тема для понимания природы современного общества».

Показано, что подобный поворот относительно сталинской эпохи обозначился в отечественной литературе на рубеже 80–90-х гг. в идеологически разных кругах: «от монархистов до коммунистов», объединенных позицией «за СССР». Проанализированы цивилизационно-формационные противоречивые изыскания В.В. Кожина, который тем не менее завершил признанием, что революция – трагическое, «неизбежное рождение нового», что проклинать «революцию — значит... проклинать... страну», а «попытки “обелить” Сталина несостоятельны», «единственно перспективный путь – опора на *всю* историю страны». Сходная с кожиновской ситуация (если понимать, что «советский проект» зачат Октябрем) выявлена по разработкам С.А. Панарина; по логике движения от самой низкой до высочайшей контекстности, в которых трактовалась Октябрьская революция, можно усматривать переключки с этими изысканиями и в поисках совершенно иного по природе мыслителя А.А. Зиновьева.

Показано, что если «линия неизбежников», отказывающая в дальнейшей жизнеспособности нэпу и объединившая очень широкий спектр направлений в отечественной и зарубежной историографии, явно превалирует сегодня над «нэповцами-альтернативистами», то по существу все из них, кто на позиции «за СССР», категорически не принимают линейности в оценке послесталинского или перестроечного периода. Но эта ситуация, помимо принятия «неизбежниками» альтернативистского видения реальности, обязательно выводит к вопросу и о внутренних истоках советской катастрофы. Обращение по этой причине к конститутивным параметрам «советского проекта», корням его и последующим пертурбациям, думается, неизбежно. Подчеркиваются в данной связи существенные возможности нэпа – РДА и слабости нэпа реального, несистемного, в частности, из-за слабой чувствительности доктринально-классово настроенных коммунистов к общенациональному – общементальному, способному в немалой степени блокировать антинэповские «казарменно-социалистические» тенденции, уменьшить трагический-роковой для России разрыв между зачинавшейся было революцией духовной и состоявшейся революцией социальной.

Между тем нынешняя эпоха требует от социума восхождения на личностный уровень бытия, жёстко обозначая дилемму: или восхождение, или распад, катастрофа, но при этом конструктивный исход теснейше увязан с адекватным восприятием Прошлого.

Глава шестая «Проблема самоидентификации русского суперэтноса и выбор 1917 года» посвящена показу, что серьёзное бытийственное неблагополучие сегодня для русских есть следствие неблагополучия психоментального, самоидентификационного. Предпринята попытка выявить механизм психологической деструкции народа с использованием некоторых трансформированных Н.А. Бердяевым «психоаналитических» приемов. Показана специфика представителей русского суперэтноса в контексте психоаналитической матрицы, глубокая некомплементарность им в этой связи ценностей и установок либерализма, постмодерна, притом что, напротив, именно «русская идея» привела к превращению партийного большевизма в сильный фактор российской политической реальности, притом что «русская идея» объясняет и сам феномен необычайно широкого «русского марксизма», а позднее – низового массового рабочего и солдатского, крестьянского большевизма, притом что она – источник того самого «чуда» победы большевиков в 1917 году, затем в ходе Гражданской войны; «чуда», если не видеть за ним мощной ментальной основы. Подчеркивается, что «нэп всерьёз» означал объективно ставку на укоренённость, возможность не отдельного точечного взаимодействия, а «плотного» слияния большевизма партийного с массовым – крестьянско-рабочим и «почвенно-интеллигентским». Нэп открывал перспективы открытия для себя большевиками не подспудно (это было от начала), а в чётко выявленных формах *«русской идеи» как «внешнего своего»* – уникального спасительного «своего». Но, следовательно, Октябрь, нэп – это важные, в основе своей органические пласты исторического бытия России, в то время как внутренние патологические тенденции, приведшие в конце концов к *возможности* советской катастрофы, не в сущности Октября и не в сущности нэпа. Они – в антинэповских, а глубже – в противостоящих «русской идее» представлениях и способах действия. Россия как модель мира, эпохальный исторический субъект, проявилась особенно убедительно в своей советской ипостаси, раскрывая не только свой цивилизационный код, но и культурный код планетарного сообщества. Попытки изъять большевистский Октябрь, советскую систему из истории России означают объективно подрыв культурного кода России - самой личности народа; означают посягательство на «целое» России и всемирной истории.

В **«Заключении»** подведены итоги исследования о процессе становления и сущности постнеклассики с опорой на школу И. Пригожина, отечественных «нелинейщиков», В.С. Стёпина; с вычленением различий между нею, неклассикой и постмодернизмом. Выявлено, что:

русская философская мысль в высокой степени комплементарна постнеклассике, и это связано с восприятием человека как «микрокосма», с диалектичностью православия (вопреки интерпретациям И. Пригожина);

сама постнеклассика выходит на проблему «продолжающегося миротворения и антропогенеза» – сущностные моменты историософских и антропологических наработок русских, православных по глубинной интуиции, мыслителей;

предложена постнеклассическая матрица изучения истории периода социальных потрясений с вычленением требований метасистемы и культурного кода, соотнесенного с «внутренними тенденциями развития нелинейных систем», притом что код опирается прежде всего на *представления о человеке* и на историософские интенции; сказанное предпосылает *синтез* формационного и цивилизационного подхода;

эти представления есть инвариант, «ядро» культурного кода, с которым должны сопоставляться «управляющие воздействия», игнорирование его чревато разрушением системы, степень резонансности «ядру» «прямо пропорциональна» успешности развития социума;

сравнительный анализ русского религиозно-философского, отчасти марксистского антропологическо-историософского толкования, с одной стороны, и либерального – с другой, выявляет первое как универсальное и адекватное новейшим Вызовам времени (при том что второй вариант – это «пост-социальность» со всеми её следствиями);

в обвинениях *марксизма-большевизма* в «гордыне», «прометеизме» в противоположность «скромности» либерализма нечаянно улавливается существенная ограниченность западных духовных притязаний, по сравнению с русско-православными, а «вера в спасение через историю» обнаруживает «резонансность» марксизма и русской религиозно-философской мысли, русской ментальности; «большевизм-прометеизм» предстает в качестве явления, предуготовленного изнутри *России мыслящей и страдающей*;

анализ работ русских философов позволяет сказать, что православный контекст предполагает *прорыв* в предельно ответственный, предельно осознанный творчески-активный способ существования, наиболее соответствующий эпохе осознанной необходимости;

комплиментарность отечественных познавательных ориентиров, духовных поисков параметрам постнеклассики позволяет говорить о повышенной актуальности для XX века ядра культурного кода русского суперэтнуса и одновременно – о прорывном значении бытийственного русско-российского ответа начала XX столетия на вызов Времени;

прослеживается связь: отечественная социально-гуманитарная мысль XIX – начала XX вв. кладёт предел линейной познавательной традиции – и Россия на практике историческим выбором 1917–1920 гг. закрепляет то же самое, с гносеологического языка перейдя на язык онтологии и обеспечивая ответ на вызов Времени;

существенна, помимо выраженной небуржуазности, глубинная прикосновенность России крестьянской/массовой идее – интуиции Третьего антропологического Откровения – Революции революций, видимо, духовной-ментальной подпочве революционного процесса в России начала XX в.; т.е. массовый, низовой большевизм – он и из данных духовных интенций народа;

историография, дополненная автором, фиксирует реальность *небуржуазных проявлений* среди либералов, *проблематизировавших буржуазно-либеральный путь* развития страны и обнаруживших дополнительный потенциал в пользу РДА;

освоение в мире новых *субъект-объектных* возможностей не обходилось без «метода проб и ошибок» (при интеллектуально и ментально исключительном «попадании в точку» большевиков в 1917 г., когда оказалось, что вырвать страну из губительной для неё войны, покончить с «формационной» отсталостью, обеспечить системную модернизацию возможно лишь в перспективе эпохи осознанной необходимости, сопряженной с постэкономической перспективой);

эта предельно высоко заданная планка Октября определяла существо «советского проекта»; удержать её оказалось однако проблематичным на политико-управленческом уровне в силу ограниченной версии РДА; ограниченных в итоге возможностей проявления потенциала совокупного российского субъекта, тогда как «советский проект» конститутивно увязан со ставкой на субъект, когда в пределе субъект – каждый член общества;

историографию по теме предлагается отсчитывать с «предпосылочно-го» по отношению к 1917 году периода и затем по ходу событий в силу и гносеологической и бытийственной значимости идей общественных деятелей, учёных, мыслителей, художников, учитывая онтологизм ожиданий;

упрощённый «научно разоблачающий» метод: не принимать на веру самооценки и оценки политических акторов – чреват линейным восприятием;

расклад сил в историографии по вопросу *объективной обусловленности революционного процесса 1917 г.*, выявляет, что меньшевики оказались наименее проницательными в силу доктринальности - «линейности» мышления; зато остальные по-разному, но революцию предчувствовали; в том числе социалистический её разворот;

«сквозной» подход обнаружил и у непримиримых оппонентов большевизма в «первой эмиграции», и у «тоталитаристов» и современных (склоняющихся к ним) историков *факты признания* или *в итоге признание* объективной обусловленности Октября 1917 г., в том числе признание его *революцией* (при самом негативном к нему отношении), **посредством отказа** «эмпирическому народу» в принадлежности к «русской имперской нации», или жёстче – через отказ в целом «неправильным» России, русскому супер-этносу в исторической оправданности;

при этом *выявляются* собственные протестантские ориентиры авторов; один из маркеров для подспудных и явных протестантов – отношение к столыпинской реформе;

«вынужденные объективисты» из непримиримых оппонентов Октября и «объективисты действительные» из «первой эмиграции» сходятся в «объективизме» через обращение к этнической ментальности – т.е. реальным «внутренним тенденциям развития» социума; но из них неумолимо следует для «вынужденных объективистов», что «настоящая революция» - это Октябрь, что «реально *вся революция* как народное движение... рождалась и родилась *из духа большевизма*»;

историко-этноментальный подход современных отечественных и зарубежных авторов из круга «вынужденных объективистов» *оборачивается*,

помимо сказанного, *сведением объекта* познания к психопатологии. Но этот, как и «струве-мейеровский», алгоритм противоречит требованиям постнеклассики с позиций подхода и к нации, и к человеку;

«изоморфность» «западников»-большевиков, Ленина «революции масс» убедительно раскрыта в социально-экономическом, политическом, отчасти ментальном срезе представителями «нового направления» (с учётом постсоветского периода), «направления», доказавшего свою «открытость» выходом на новые предметные сферы, выявляющего вариативность исторического процесса и обнаруживающего в целом комплиментарность постнеклассике;

концепция «нового направления», оттолкнувшись от завершения дискуссии с «денационализаторами» и тем обозначив «повышательную тенденцию» в оценке социально-экономического уровня России рубежа веков, вместе с тем через поиски аграрников, уральцев-адамовцев, И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского внесла серьёзные «понижательные» коррективы, обнаружив некорректность линейного, «уплощённого» видения реальности. Обнаруживается сходная логика движения поисков для А.И. Герцена, затем В.И. Ленина, наконец – «новонаправленцев»: от «западничества», линейного прогрессизма (упрощенного *общего*) к *особенному, конкретному*, к типологической специфике российского капитализма, в частности. Здесь уже намечается движение к синтезу формационного и цивилизационного подхода;

ленинская концепция революции 1917 г., как она была реконструирована «новым направлением» до «закрытия», сводилась к формуле противоречивой «многоукладности» - существенному началу в концептуальных построениях самого «нового направления». Такая оценка, по толкованиям «новонаправленцев», привела Ленина после уроков Первой русской революции к выводу об определяющей для судеб страны, судеб российского капитализма роли *аграрного вопроса*, а после неудачи столыпинского реформирования – *крестьянско-аграрного вопроса*, причем разрешимого теперь только посредством аграрно-крестьянской революции – «оселка» всей буржуазно-демократической революции в России. При этом представители «нового направления» фиксировали нелинейность ленинских прогнозов о возможных векторах дальнейшего хода событий: или «американски быстрый» капиталистический прогресс, или импульс для социалистической революции на Западе. Ленинские оценки и коррективы весны 1917 г. в кругах «новонаправленческой» ориентации на рубеже 60-70-х гг. трактовались, на наш взгляд, «предельно близко к тексту» - как видение возможности реализации РДА, облегчающей *затем* «шаги к социализму»;

не выделялось, правда, допущение Лениным возможности реализации в 1917 г. либерально-буржуазного пути развития. Вместе с тем определена была трактовка ленинской концепции Октябрьской революции (прежде всего В.П. Даниловым) как пролетарской плюс *общекрестьянской* и потому буржуазно-демократической вплоть до лета-осени 1918 г. Правда, «новонаправленцы» из дискуссий 60-х гг., своих наработок *выводов* относительно социально-экономической природы российского крестьянства *и потому* характера

крестьянской революции *не делали* и ленинскую трактовку российского крестьянства как мелкой буржуазии не анализировали вплоть до «закрытия»;

но в перестроечно-постсоветских условиях «точки над і» А.М. Анфиловым, П.В. Волобуевым, особенно В.П. Даниловым были расставлены: факт «революции общинно-крестьянской» был признан, как и значение крестьянской ментальности в истории страны; в итоге можно говорить о революционном процессе 1917 г. как многосоставном, включающем революцию общинно-крестьянскую, помимо крестьянской буржуазно-демократической, пролетарской, солдатской, национальных революционных движений, а на первых порах (Февраль) и помимо революции классической буржуазной;

доведено «новонаправленцами» до завершения (В.П. Данилов) толкование ленинских поисков относительно социалистической революции, нэпа с признанием реальности *некапиталистической* модернизационной эволюции российской деревни посредством кооперации – важнейшей народнической идеи;

Ленинская концепция РДА в 1917 г. оказалась непонятной для многих партийцев. Как ни странно, но в советской официальной историографии (и в литературе зарубежной) закрепилась *каменевская трактовка* ленинского видения Февраля и двоевластия, при том что места для РДА в ней быть не могло;

видимо, и эту интеллектуальную ситуацию среди большевиков 1917 г. необходимо учитывать, оценивая возможности РДА (хотя большевики после февральско-апрельской разногласицы приняли, казалось, ленинское видение событий: Февраль как соединение двух революционных потоков, и хотя Русское Бюро ЦК склонялось к позиции, на которой определится Ленин);

Ленин успех «буржуазно-демократической революции *нового типа*» увязывал с взятием власти *революционной демократией*, что помимо успешного разрешения задач этой революции означало бы эволюционные «шаги к социализму»; тем более, что по существу экономической политики в принципе едины были основные силы революционной демократии;

самое существенное здесь - вопрос об упущенной – оптимальной в 1917 г. возможности «мирной революции», альтернативе, исключавшей угрозу гражданской войны и создающей оптимальные шансы для решения первоочередных, затем среднесрочных – модернизационных задач и обеспечения эволюционного движения к социализму. Сохранение принципиальной последовательности для эсеров-черновцев и левых, для меньшевиков-интернационалистов – вот, казалось бы, все необходимое, дабы полноценная РДА (к которой подталкивали социалистов большевики) одержала верх;

ленинский анализ весны 1917 г. не исключал возможности разрешения «двоевластной неустойчивости» в пользу буржуазии, но практика весны – осени проявила нарастание социальной революции, обнаруживая неадекватность политики Временного правительства во всех его вариантах;

как минимум трижды в 1917 г. революционно-демократическая стихия – большинство России выступало «умнее» партийно-советских меньшевистско-эсеровских центров, подталкивая ситуацию к выбору РДА, срываемой

раз за разом этими центрами. Наиболее адекватны обозначенной стихии оказались при всех доктринальных издержках большевики, ставшие на деле самой прокрестьянской партией по вопросу о земле (да и власти), «общенациональной партией» по вопросу войны и мира, по ставке на регулирующую многоукладную экономику;

в ленинской концепции большевистско-левоэсеровский Октябрь трактуется как спасение в последний момент революции масс. Однако Октябрь – это *не полномасштабная* в политико-партийном измерении *революционно-демократическая власть*, а её левый фланг, вскоре обернувшийся однопартийностью. Уникальная ценность РДА, зафиксированная Лениным, – исключение угрозы гражданской войны – была серьёзно ослаблена, что не замедлило обнаружить себя и чему радикально поспособствовали *умеренно-социалистические* центры, не считая усилий всего правого блока;

через анализ советской неоднозначной историографии и современных подходов доказывается, что экономическая политика, намеченная большевиками весной–осенью 1917 г., стала основой советской политики с конца 1917 г., как бы наметив «пронэповскую» линию: ставка на многоукладную регулирующую экономику (при особой роли госкапитализма).

Показано, однако, что *ряд* чрезвычайных и иллюзорных мер Ленин рассматривал до Октября в рамках *экономической стратегии* революционно-демократической власти. Проработка весной 1918 г. «постепеновской» линии как стратегии привела к уяснению существа мер чрезвычайных – будущих «военно-коммунистических», но без сопоставления с ними режима проддиктатуры и без уяснения реальной иллюзорности ряда ленинских соображений.

Большевики, Ленин явно к концу весны 1918 г. упустили из виду середняка, вышли в проддиктатуре за пределы РДА, фактически применили к российской деревне западническую классово-полюсовую схему, чем подтолкнули сами ситуацию к началу Гражданской войны. Но среди большевиков обозначилась и оппозиция политике «проддиктатуры», и серия «маленьких Брестов» затем по деревне (о чём говорится в современной нелицеприятной к большевикам литературе) как объективно признание майского просчёта.

Гражданская война проходила для Советской России при господстве чрезвычайщины - «военного коммунизма» («на войне как на войне»), провоцировавшего, однако, меры «казарменно-социалистического» толка (стремление чрезвычайщину обратить в норму), а вместе с тем – меры иллюзорные «непосредственно-социалистические». И хотя просматриваются и в этих условиях поиски пронэповского характера, «непосредственно-социалистические» надежды Ленина, отягощённые практикой «казарменного социализма», обернулись тяжелейшим политическим и экономическим кризисом Советской власти.

Переход к нэпу означал объективно признание адекватности для России РДА – прежде всего союза с крестьянством (особенно середняком) не только на время политического, но и *социального* этапа революции. Однако попытка её (альтернативы) частичной реализации уже в силу «частичности»

оказалась проблематичной. Вместе с тем обширная советская и современная с добротной конкретикой историография (нередко вне зависимости от авторских позиций) дают обильный фактический материал в пользу выводов о жизненности РДА, шансы для реализации которой открывал большевистско-левоэсеровский Октябрь.

В целом, РДА оправданно ассоциировать с *интересами и задачами многосоставного революционного процесса*, представляющего 1) массовую революционную демократию и социалистические партии России (пока они боролись за интересы массовой революционной демократии); 2) приведшего к созданию Советов и других массовых революционно-демократических структур в 1917 г.; 3) предполагающего как исчерпание политического этапа революции многопартийную советскую политическую систему, призванную разрешить основные её задачи с использованием политики госкапитализма, притом что и такая система власти, и госкапитализм раскрывались Лениным, помимо их спасительности в качестве первоочередных мер, как «шаги к социализму».

Можно сказать, что в «поле возможностей», обнаруженном революционными потрясениями 1917 г., в качестве очень сильного вектора открылась РДА. Однако увидеть интересы-устремления масс в преломлении через общенациональные интересы России, сопряженные с вызовом эпохи модернизации, совместившимся в свою очередь с вызовом зачинавшейся эпохи осознанной необходимости, сумели только большевики, хотя и с определенными просчетами по крестьянству, по роли культурного кода в истории.

С трудом закрепляющийся «альтернативистский» подход к восприятию Прошлого не только комплиментарен постнеклассике, но опирается объективно на мощное историографическое предшествование, считая от «предпосылочной» историографии и до «метафизического монизма» сталинского периода (для советской исследовательской практики) и при определенных позитивных подвижках «оттепелевских» времен.

Тем не менее, после недолгого «перестроечного» всплеска «альтернативистских» - пронэповских разработок подходы «неизбежников» (относительно ломки нэпа), по объективным причинам (уничтожение СССР), снова возобладали, хотя сами разноплановые «неизбежники» (но из числа приверженцев Советской державе) оказываются «альтернативистами» относительно противостоящей их представлениям реальности. То есть сам принцип нелинейного толкования действительности *фактически* признается.

Более существенно, что знаковые фигуры из «неизбежников» - нелинейных «цивилизационников», бывших оппонентов Октября, большевиков (А.С. Панарин, В.В. Кожинов) в конце концов пришли к признанию укорененности и конструктивности «Октябрьского перелома» и его следствий, прорывного характера «советского проекта», *не замыкающегося на сталинской модели* и послесталинской. Но сказанное требует выявления реальных альтернатив как путей развертывания «советского проекта», выявления его потенциала, исторических истоков – по этой причине актуально обращение к РДА.

Фактически речь идёт в этом существенном для нас случае о соединении наконец прежнего для авторов глубокого нелинейного историко-этноментального (цивилизационного) подхода (что долго определяло неприемлемость в отношении к большевикам - левакам в национальном и религиозном смысле) с историческо-формационным. Иначе: о соединении внимания подпочве «внутренних тенденций развития» социума с вниманием к метасистемным требованиям относительно него. Но это и есть реализация предлагаемого в диссертации постнеклассического алгоритма изучения переломных ситуаций в жизни общества, ответ на уровне требований постнеклассики (по представлениям диссертанта). Добавим, что со своей стороны историческо-формационники движутся по пути освоения историко-этноментального (цивилизационного) подхода (особенно успешно группа С.Е. Кургияна, «Духовное наследие» А.И. Подберезкина, по-своему - С.Г. Кара-Мурза). Любопытно, что немало сделавший для методологической и «инструментальной» проработки культурно-генетического (историко-этноментального) подхода К.М. Кантор преодолевает внутренние противоречия своих конкретных изысканий на пути преодоления линейности – т.е. на пути к постнеклассике. Уникальный исследовательский опыт А.А. Зиновьева, видимо, можно толковать, как обращение в итоге к самой внушительной *системологии* (но для общества это историческая философия плюс внутренние тенденции развития) - в целом как проявление опять-таки постнеклассических интенций.

В то же время либеральные, европоцентристские линейные разработки подтверждают: только на отрицающих постнеклассику основаниях возможно непротиворечивое отрицание оправданности и конструктивности исторического выбора России 1917-1920-го гг.

Проведенная работа позволяет сказать, что «*история Октября... одно из центральных событий истории России, истории XX века, является*» не только «*своеобразным индикатором... состояния российской историографии*», но и индикатором умонастроений, интеллектуального и нравственного (а потому и «физического») самочувствия общества в целом. И главное – подрыв «русской идеи», способности нации не потерять себя окончательно оказывается сегодня увязанным с отношением к советской эпохе, а следовательно к её истоку.

Публикации по теме диссертации

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Шепелева В.Б. Исторические альтернативы и этническая ментальность на переломе от России царской к России нэповской // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. №2. С.122-129 (0,5 п.л.).
2. Шепелева В.Б., Осадченко Б.А. Информационные возможности личных

- фондов историков для изучения становления «нового направления» в отечественной историографии // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 60-72 (0,9 п.л.).
3. Шепелева В.Б. Из историографии революционного процесса 1917 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т.12. № 6 (38). С.187-192 (0,4 п.л.).
 4. Шепелева В.Б. Неклассика, постмодернизм, постнеклассика и отечественная познавательная практика // Диалог со временем. М., 2010. Вып. 32. С. 355-372 (1,1 п.л.).
 5. Шепелева В.Б. От классики к постнеклассике и отечественная познавательная практика // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С.173-178 (0,5 п.л.).
 6. Шепелева В.Б. К дискуссии о советской эпохе в контексте альтернативности исторического процесса и современных «вызовов времени» // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2010. Вып. 39. № 10 (191). С.155-164 (1 п.л.).
 7. Шепелева В.Б. К поискам адекватных теоретико-методологических ориентиров исторического познания // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2010. Вып. 40. № 15 (196). С.123-132 (1 п.л.).

Монографии и учебные пособия:

8. Шепелева В.Б. Гл. IV. Раздел 3. Культурная жизнь Омска (конец XIX-начало XX веков) // Очерки истории города Омска. Т.1. / Ред. А.П.Толочко. Омск, 1997. – С. 185-204 (1 п.л.).
9. Шепелева В.Б. Омское Прииртышье – год 1917-й: Учеб. пособие. Омск, 2000. – 112 с. (7,2 п.л.).
10. Шепелева В.Б. Новейшая отечественная история первой трети XX века. Кн. 1. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии: Учеб. пособие. Омск, 2002. –259 с. (16,3 п.л.)
11. Шепелева В.Б. Историографические судьбы "нового направления"// Мир историка: XX век. М, 2002. – С.219-257 (2,3 п.л.).
12. Шепелева В.Б., Шумилов А.И. Гл. II. Раздел 3. В условиях «военного коммунизма» // Очерки истории города Омска. Т.2. /Ред. А.П. Толочко. Омск, 2005.– С.93-112 (0,9 п.л.).
13. Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии: Учеб. пособие. Омск, 2005. — 392 с. (24,5 п.л.).
14. Шепелева В.Б. Россия 1917-1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009. – 704 с. (44 п.л.).

15. Шепелева В.Б. 1917-й год в контексте постнеклассических поисков. Вопросы теории и методологии. Кн. 1. Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 230 с. (19 п.л.)

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций

16. Шепелева В.Б. К вопросу об определении "методов социалистического строительства" 1917-1920-х гг. в советской историографии // Проблемы методологии исторических наук. Омск, 1992. С. 92-110 (1,2 п.л.).
17. Шепелева В.Б. Проблема альтернатив общественного развития страны и Л.Д.Троцкий // Науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Секция: Проблемы отечественной истории. Омск, 1992. С.108-113 (0,4 п.л.).
18. Шепелева В.Б. К вопросу о духовных предпосылках исторического выбора России в 1917 г. // История Советской России: новые идеи, измерения: Тез. докл. Ч.1. Тюмень, 1993. С. 3-6 (0,2 п.л.).
19. Шепелева В.Б. "Русская идея" и проблема выбора пути общественного развития // Русский вопрос: история и современность: Материалы докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1993. С. 24-31(0,6 п.л.).
20. Шепелева В.Б. Современные проблемы российской государственности на современном этапе и "русская идея" // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: Материалы межвуз. конф. М., 1995. С. 112-115 (0,2 п.л.).
21. Шепелева В.Б. Большевики и крестьянство России (1918-1920 гг.) // Россия в новое время: Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога: Материалы Всерос. науч. конф. М., 1995. С. 112-115 (0,2 п.л.).
22. Шепелева В.Б. Православие, "культурный код" русских и проблемы российского выбора в конце XX столетия // Православие. Общество. Культура: Материалы междунар. науч. конф. Омск, 1995. С. 230-235 (0,3 п.л.).
23. Шепелева В.Б. Косыгинские реформы в контексте советской истории // Выдающиеся государственные деятели России XVIII - XX вв.: Материалы науч.-практ. конф. Омск, 1996. С. 148-165 (0,8 п.л.).
24. Шепелева В.Б. К проблемам революционно-демократической альтернативы в России (1917 г.) // Из истории революций в России (первая четверть XX века): Материалы Всерос. симп. Томск, апр. 1995 г. Вып. 1. Томск, 1996. С. 225-235 (0,9 п.л.).
25. Шепелева В.Б. К проблеме истоков этических и аксиологических установок Л.Н.Мартынова // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 46-57 (1,1 п.л.).
26. Шепелева В.Б. Опыт мирового и отечественного кооперативного движения и современная ситуация в России // Производственные кооперативы в России на пороге XXI века. Т. 2. М., 1996. С. 73-82 (0,9 п.л.).

27. Шепелева В.Б. К вопросу о современной историографической ситуации относительно реформаторской деятельности П.А.Столыпина // П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: тез. докл. науч.-практич. конф. Омск, 1997. С. 50-59 (0,7 п.л.).
28. Шепелева В.Б. Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета: возможные перспективы // Кооперация как компонент рыночных отношений : проблемы теории и истории. Вып. 2. Иваново, 1997. С. 5-23 (1,25 п.л.).
29. Шепелева В.Б. Православная антропология и исторический вызов новейшего времени // Религия, человек, общество: Тез. междунар. науч. религиоведческого конгр. Курган, сент. 1998 г. Ч.2. Курган, 1998. С. 117-119 (0,2 п.л.).
30. Шепелева В.Б. К вопросу об особенностях типа мышления и духовных поисков на почве русской ментальности в XX веке // Культура и интеллигенция России : интеллект. пространство. XX век: Материалы IV Всерос. науч. конф. Т.1. Омск, 2000. С. 48-56 (0,7 п.л.).
31. Шепелева В.Б. К проблеме межпартийной и внутрипартийной борьбы большевиков первой трети XX века // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформаций общества: опыт уходящего столетия: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Ч.1. Омск, 2000. С. 21-28 (0,45 п.л.).
32. Шепелева В.Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков в период гражданской войны // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2000. С. 92-103 (0,8 п.л.).
33. Шепелева В.Б. Опыт крестьянской истории России и крестьяноведение // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2000 . С. 5-7 (0,2 п.л.).
34. Шепелева В.Б. 1917 год в России: опыт анализа историографической ситуации // Вестн. Омского ун-та. 2000. Вып. 1. С. 78-81 (0,3 п.л.).
35. Шепелева В.Б. К.М.Кантор и марксизм // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 89-95 (0,4 п.л.).
36. Шепелева В.Б. Историческая наука и русская религиозно-философская мысль второй половины XIX – первой половины XX века // Диалог со временем: 4 спец. вып. М., 2001. С. 223-245 (1,5 п.л.).
37. Шепелева В.Б. Реформы и революция в контексте некоторых соображений отечественной гуманитаристики // Общественная мысль, движения и партии в России XIX-XX веков: Сб. науч. ст. Брянск, 2001. С. 21-26 (0,4 п.л.).
38. Шепелева В.Б. Синергетика и проблемы исторического познания // Историческое знание и интеллектуальная культура (Москва, декабрь 2001 г.). М., 2001. С. 20-24 (0,3 п.л.).
39. Шепелева В.Б. Некоторые проблемы современной историографии революционного процесса 1917 года в России // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. Т.1. М., 2002. С. 86-96 (0,7 п.л.).

40. Шепелева В.Б. «Новое направление» в советской историографии социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем: Вып. 10. М., 2003. С. 300-310 (0,85 п.л.).
41. Шепелева В.Б. Группа проф. В.В. Адамова и некоторые вопросы истории «нового направления» // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. (к 90-летию со дня рожд. В.В. Адамова): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 88-95 (0,5 п.л.).
42. Шепелева В.Б., Полканов В.Д. Реформы и революции в России XX века: дискуссионные проблемы // Омский науч. вестник. 2004. №4. С. 21-26 (0,5 п.л.).
43. Шепелева В.Б. Некоторые современные отечественные теоретико-исторические представления, «вызовы современности» и Россия // Теория и история. Красноярск, 2005. №2 (7). С. 181-200 (1,3 п.л.).
44. Шепелева В.Б. Революционно-демократическая альтернатива на переломе от России царской до России сталинской (теоретико-методологический и историографический аспекты) // Диалог со временем: Вып. 15. М., 2005. С. 293-325 (2,3 п.л.).
45. Шепелева В.Б. Самоидентификация. История и проблема выживания русского суперэтноса // Естественнонаучные и гуманитарные проблемы в регионе и государстве. Омск, 2007. С. 210-221 (0,85 п.л.).
46. Шепелева В.Б. Проблемы Октября 1917-го в современной историографии // Русская революция в контексте истории: Материалы регион. науч. конф. Томск, нояб. 2007 г. Томск, 2008. С. 119-125 (0,5 п.л.).
47. Шепелева В.Б. Историческая наука, общество и теоретико-методологические проблемы исторического познания // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Междунар. науч. конф. Москва, нояб. 2008 г. М., 2008. С. 18-20 (0,2 п.л.).